

ВОСПОМИНАНИЕ О МОЕМЪ ОТЦѢ, ГРАФѢ ВЛАДИМІРѢ.

Въ жизни каждаго человѣка можно видѣть пути промысла Божія, и если мы не видимъ ихъ, то единственно по невниманію и разсѣянности. Еще въ дѣтствѣ моемъ привелось мнѣ быть свидѣтелемъ того, какъ Господь обратилъ къ себѣ душу человѣка, наиболѣе ко мнѣ близкаго.

Покойный отецъ мой, графъ Владиміръ Степановичъ Толстой, родился въ такое время, когда воспитаніе русскаго юношества, преимущественно знатнаго и богатаго, исключительно вѣрялось французамъ-эмигрантамъ, которые искали себѣ въ Россіи прибѣжища отъ ужасовъ первой французской революціи. Сынъ богатыхъ родителей, ничего нещадившихъ для его воспитанія, онъ научился всему, что могло давать блескъ въ тогдашнемъ обществѣ: зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, въ томъ числѣ греческій, латинскій, прочелъ много историческихъ сочиненій и путешествій, страстно любилъ литературу и поэзію и самъ писалъ стихи. Одногo недоставало въ этомъ блестящемъ воспитаніи: ученый аббатъ, ревностный поклонникъ Вольтера, Дидерота и другихъ корифеевъ, такъ называемой энциклопедической школы, не могъ и вѣроятно не считалъ нужнымъ передать своему воспитаннику какія нибудь понятія о христіанской религіи.

Несмотря на то, отецъ мой не былъ ни безбожникомъ, ни деистомъ. Онъ ходилъ въ церковь, молился наружно, но былъ совершенно равнодушенъ къ вѣрѣ, и любилъ повторять кощунственныя остроты французскихъ философовъ, которыхъ сочиненія онъ перечитывалъ съ жадностію.

Когда я началъ помнить себя, мы жили въ деревнѣ, въ двадцати верстахъ отъ Сергіевскаго посада, гдѣ находится академія. Однажды отецъ мой поѣхалъ въ посадь, и тамъ въ

лавкѣ, гдѣ онъ покупалъ разныя вещи, встрѣтился съ молодымъ бакалавромъ академіи, разговорился съ нимъ, и, плѣвившись его ученостію, зазвалъ его къ себѣ и привезъ въ деревню. Это случилось 22 мая 1821 года. Какъ теперь помню появленіе новаго гостя въ нашемъ домѣ: подслѣповатый, неловкій въ обращеніи и поступи, скромный и до крайности застѣнчивый, онъ мало говорилъ о житейскихъ предметахъ, но одушевлялся, когда заводилась рѣчь о поэзи. Это былъ знаменитый впоследствии ученый протоіерей Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій.

Отецъ мой полюбилъ новаго знакомаго, и скоро они сблизились и стали видаться довольно часто; Ѳеодоръ Александровичъ гостилъ у насъ по нѣскольку дней; вечера проводилъ незамѣтно въ ученыхъ разговорахъ и чтеніи стихотворцевъ. Обращеніе съ молодымъ профессоромъ не могло не имѣть значительнаго вліянія на образъ мыслей моего отца: при Голубинскомъ онъ пересталъ повторять богохульныя остроты своихъ любимыхъ писателей, потому что философъ-христіанинъ, скромный и уступчивый во всемъ прочемъ, не могъ равнодушно слышать кощунства и давалъ такой сильный отпоръ, что заставлялъ краснѣть и молчать своего собесѣдника. При разговорѣ о красотахъ поэзи и краснорѣчія, Голубинскій часто выставлялъ примѣры прекраснаго и высокаго изъ священныхъ книгъ ветхаго и новаго Завѣта, что побудило отца моего въ первый разъ въ жизни приняться за чтеніе библіи. Чѣмъ болѣе читалъ онъ, тѣмъ болѣе святая книга оказывала сильное дѣйствіе на его сердце. Особенно разсказъ евангелистовъ о страданіи и смерти Спасителя трогалъ его до слезъ. «И этой книги не читалъ я до сихъ поръ» — часто повторялъ онъ, — «въ ней бы мнѣ искать отрады и утѣшенія!»

Между тѣмъ промыслъ Божій употребилъ новое средство для окончательнаго обращенія отца моего: въ началѣ 1822 г. онъ тяжело и опасно заболѣлъ. Во все время болѣзни, онъ постоянно читалъ самъ или заставлялъ мать мою и меня читать для него въ слухъ новый Завѣтъ и акаѳистъ Іисусу сладчай-

шему, примирился заочно съ родственниками, съ которыми былъ въ ссорѣ, испрашивая въ трогательныхъ письмахъ прощенья у тѣхъ, которые были много передъ нимъ виноваты. Но самое замѣчательное явленіе этой болѣзни составляли исповѣдь и причащеніе больного: онъ съ необыкновенною ясностію памяти разсказалъ духовнику грѣхи свои, совершенные въ теченіи семи лѣтъ (семь лѣтъ передъ тѣмъ онъ не причащался), горько оплакивалъ свои прежнія заблужденія, со страхомъ и трепетомъ, съ вѣрою и любовію приступилъ къ приобщенію святыхъ таинъ. Съ того же самого дня онъ сталъ выздоравливать.

Впослѣдствіи онъ говорилъ мнѣ неоднократно: «никогда не читай злонамѣренныхъ книгъ, даже не смотри на нихъ. Во время моей болѣзни, когда я готовился къ исповѣди и причащенію, всѣ богохульные и кощунственные мысли, которыя я вычиталъ въ этихъ книгахъ, безпрестанно приходили мнѣ на память, я уже не вѣрилъ имъ, я отвергалъ ихъ съ омерзѣніемъ, но они роились около меня, какъ мухи и комары. Страшная была мука!»

Первымъ дѣломъ отца моего послѣ выздоровленія отъ тяжелой его болѣзни, было уничтоженіе всѣхъ книгъ, которыя его мучили. Ему совѣтовали продать ихъ, но онъ рѣшился сжечь всѣ эти сочиненія. «Не хочу никому продать отравы», — говорилъ онъ, — «я уже испыталъ на себѣ, какъ она губительна.» — Такимъ образомъ, въ одно прекрасное майское утро, на срединѣ двора нашего, былъ сложенъ костеръ, и на немъ сожжено болѣе сотни книгъ, отобранныхъ отцемъ моимъ изъ его бібліотеки. Съ этой минуты онъ успокоился совершенно, и богохульные мысли никогда уже его не преслѣдовали. Священное писаніе было настольною его книгою. Онъ читалъ часто творенія св. отцевъ Церкви, проповѣди, житія святыхъ и уже небралъ въ руки романовъ и повѣстей. Часто ходилъ онъ въ церковь, не смотря на слабое здоровье и жестокую стужу сельскаго деревяннаго храма, любилъ помогать бѣднымъ, заботился о сиротахъ, и вообще ко всѣмъ сдѣлался необыкновенно

ласковъ и снисходителенъ; прежняя вспыльчивость замѣнилась совершенною кротостію.

Особенно заботила его мысль о моемъ воспитаніи. Зная по опыту вредныя вліянія воспитателей — иностранцевъ, онъ желалъ найти мнѣ наставника богобоязненнаго изъ воспитанниковъ духовной академіи и безпрестанно просилъ о томъ профессора Голубинскаго, къ которому привязался всею душою. Ѳеодоръ Александровичъ при всемъ стараніи не могъ исполнить его просьбы, и однажды написалъ къ нему, что согласенъ взять меня къ себѣ на воспитаніе. Лучшаго наставника нельзя было и желать, но отецъ горячо любилъ меня и не могъ рѣшиться со мною разстаться.

Вмѣстѣ съ матерью, они придумали переселиться вѣмъ семействомъ въ посадъ, чтобы доставить мнѣ возможность пользоваться уроками Ѳеодора Александровича, не разставаясь съ родителями.

Уже нанять былъ домъ въ посадѣ и перевезены туда почти всѣ наши пожитки, какъ вдругъ отецъ занемогъ, и эта болѣзнь его была уже послѣднею.

Онъ страдалъ не болѣе пяти дней, и, напутствованный св. тайнами, тихо скончался въ полной памяти, 19 февраля 1825 года на 47-мъ году отъ рожденія. Послѣднее слово его было: «Исусе сладчайшій, помилуй мя!»

На погребеніи его Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій произнесъ надгробное слово.

На другой день мы переселились въ посадъ, гдѣ я въ продолженіи пяти лѣтъ имѣлъ счастье пользоваться наставленіями незабвеннаго благодѣтеля моего, Ѳеодора Александровича. Въ сердцѣ моемъ неразлучно соединены обѣ эти личности, равно для меня священныя: личность отца, который, при кончинѣ своей, съ радостію ввѣрялъ меня своему мудрому другу, и личность наставника, которому обязанъ я вѣмъ, что есть во мнѣ добраго.

15 іюля 1863 года
Село Каменка.

Графъ Михайль Толстой.

СЛОВО
 ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ГРАФА ВЛАДИМИРА СТЕФАНОВИЧА
 ТОЛСТАГО. *

Господи! Что есть человекъ, яко призираи на него? Человекъ душою нѣмо удобоися; днѣ его яко тѣнь преходящая. Пс. 143, 3. 4.

И одлинно, какъ дуновение вѣтра, какъ тѣнь весняго, быстро несущагося облака, такъ скоро пробѣжали дни твои, странникъ земной, покинувшій тѣсный ночлегъ здѣшней жизни! Не долго походила на землѣ душа твоя, много утружденная и изнуренная. На краткомъ поприщѣ познало сердце твое много опытовъ; цвѣла въ немъ нѣкогда и радость, когда оно дышало утѣшеніями дружества, питалось наслажденіями ума и вкуса; но наконецъ насытилось и скорбію, перенесло болѣзни и страданія жестокия и продолжительныя. Теперь и радости земныя, и скорби земныя, все пронеслось! И скоро сердце, бывшее для живыхъ ощущеній, крѣпко прилипнетъ къ сердцу земли; скоро послѣднія слезы любви оросятъ хладный прахъ его. Изсыкнутъ наконецъ и слезы... Только одна не изсыкнетъ вѣрная и памятливая любовь въ сердцѣ единокровныхъ. И по временамъ нѣжная мать будетъ приводить дѣтей къ безмолвному и хладному жилищу отца, и будетъ говорить имъ: «милыя дѣти, почтите слезами любви память родителя. Онъ любилъ васъ. Онъ много страдалъ, и умеръ съ вѣрою во Христа Спасителя.»

* Говорено въ церкви казанской Божіей Матери, въ селѣ Каменкѣ, 23 февраля 1825 года, профессоромъ московской духовной академіи, Ф. Г.

Что вы рыдаете, возлюбленные? Что возмущаете вы сътованіями своими шествія его въ таинственныя долины вѣчности? Конечно духъ его, привлекаемый къ намъ силой любви, видитъ и слышитъ наши чувствованія, и тяжело ему слышать наши вопли! Еще тягостнѣе, еслибы служитель слова осмѣлился средь церкви возмущать покой его суетными похвалами.

Итакъ умѣримъ наши чувствованія; пусть будутъ оныя такъ тихи и кротки, какъ тихи жалобныя пѣсни исходныя, которыми Церковь оглашаетъ души, отходящія въ безсмертіе. Припомнимъ то: онъ умеръ съ вѣрой во Христа Спасителя; и слово о Спасителѣ, именно въ сіе время, всего нужнѣе, всего драгоценнѣе для души его, а вмѣстѣ и для нашего утѣшенія. Итакъ да будетъ нашимъ напутствіемъ ему слово о томъ, *коль великая заключается въ семъ важность, чтобы умереть съ вѣрой во Христа Спасителя.*

Святой Давидъ будетъ путеводителемъ размысленія нашего. Такъ онъ описываетъ въ псалмѣ 22-мъ блаженство души, которой пастырь есть Господь Иисусъ: *Господь посетъ меня, и ничего я не лишю. На пакутияхъ злчныхъ вселитъ Онъ меня; на водахъ покойныхъ препитаетъ меня. Душъ моею подастъ отраду; проведетъ меня по стезямъ правды ради имени Своего. Даже тогда, когда я буду проходить долину тѣни смертныя, не убоюся зла; ибо Ты со мною. Жезлъ Твой и посохъ Твой введутъ меня въ покой. Ты уготовишь предо мной трапезу, въ виду враговъ моихъ; Ты умашилъ елею главу мою, чаша моя преисполнена. Такъ! благодать и милость поженетъ меня во весь дни живота моего; и вселюся въ дому Господа на мноіе дни.*

Вы видите, слушатели благочестивые, что святой Давидъ имѣетъ предъ очами какое-то грозное время, когда надобно будетъ проходить по стезямъ, кои предназначены человѣку, правосудіемъ Божиимъ,—надобно будетъ проходить долиною тѣни смертныя. И на что же онъ надѣется? На свою ли правду и святость! О, нѣтъ. Онъ надѣется единственно на имя Господне: *«Ты проведешь меня по стезямъ правды ради имени Твоего;»*

Отселѣ видите вы, христолюбивые слушатели, сколь великая сила и спасеніе заключены въ вѣрѣ во Христа Спасителя для человѣка, переселяющагося въ вѣчность. Сія малая искра жизни и за предѣлами гроба, не смотря на всѣ ужаснѣйшія, продолжительнѣйшія и недовѣдомыя намъ обуреванія отчаянія, можетъ однакожь въ продолженіи времени возжечь въ сердцѣ огонь истиннаго сокрушенія, смиренія и покорности грознымъ судамъ Божиимъ; можетъ привести самоосужденнаго въ то смиренное чувство, съ которымъ онъ готовъ будетъ страдать, и лобызать горько врачующую десницу,—съ которымъ онъ возопіетъ, исполненный трепета и сокрушенія: *да впадемъ въ руку Господни: яко бо величество Его, тако и милость Его* (Свр. 2, 18)!

Но страшно, хрістіане, устремлять взоры за завѣсу вѣчности. Да сохранить насъ Господь Богъ отъ безпечныхъ надеждъ на будущее; ибо тамъ труды и болѣзни для безпечныхъ будутъ тысящекратно тягостнѣе, нежели въ умѣренной и прохладной странѣ временной жизни. *Дадите Господу Богу вашему славу*, увѣщавааетъ насъ святой пророкъ Іеремія, *прежде даже не смеркнется, и прежде даже не преткнутся ноги ваши къ горамъ темнымъ: и домо пождете свѣта, и тамо тьма смертная, и положени будете во мракъ* (Іер. 13, 16). Для того только мы осмѣлились обратить взоры на сіи таинственные пути вѣчности, чтобы научиться всю надежду нашу, возвергать на единаго Христа Спасителя, и чтобы къ Его безмѣрному милосердію прибѣгать съ теплыми молитвами о спасеніи раба Его, оплакиваемаго нами нынѣ.

Въ древней Церкви было такое благочестивое обыкновеніе, что въ страшный часъ смертный, при одрѣ умирающаго въ слухъ его непрестанно внушаемы были сіи могущественныя слова: «Иисусе, Иисусе, Иисусе, помилуй мя грѣшнаго!» Знали установители сего достойнаго обыкновенія, сколь сильно, и побѣдоносно, и спасительно сіе великое имя, *предъ которымъ все преклоняется* (Фил. 2, 10).

Помолимся изъ глубины сердца и мы, дѣти и братія и дру-
ги, и всѣ любящіе отшедшаго о насъ раба Господня, да не
отступитъ отъ него Спаситель, и да спасетъ его ради святѣй-
шаго имени Своего. И намъ беспильнымъ да будетъ святѣйшее
имя Иисуса Христа огражденіемъ и помощію во всѣхъ напа-
стяхъ во дни и нощи! *Нѣсть иною имене подгъ небесемъ о
немже подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. 4, 12)! Аминь.

Протоіерей Феодоръ Голубинскій.

